

МАМАНЯ

1

«Воздух Донской степи — вот лучшее средство для излечения хандры!» — решил я, купил рыбацкие принадлежности и отправился в деревню.

Родители встретили меня со слезами радости. Накормили любимыми пирожками с картошкой и капустой и до темноты расспрашивали о городской жизни. Удовлетворив их нехитрое любопытство,

я попросил маму постелить мне в саду, под старой, ветвистой яблоней, на старой, отслужившей в доме свой век кровати. Лунная и как всегда прохладная во время буйного цветения садов ночь благоухала неповторимым весенним ароматом. Сказочной красой плыла в тот миг весна по Донщине. На моей умиротворённой душе было как никогда легко и свободно. «За этим я сюда и приехал!» — мелькнуло в голове, и я стал быстро погружаться в приятный здоровый сон, опьянённый душистым, кристально-чистым воздухом и созерцанием бескрайнего, разделённого на две части матовой млечной дорогой ясного неба, сплошь усеянного крупными, необычайно яркими звёздами.

Проснулся я на удивление рано — с первыми криками петухов и с первыми, неугомонно-игривыми солнечными лучиками, с радостью хлынувшими на землю сплошным благодатным потоком и, чувствуя, как во всё тело приливают дополнительные силы, бодро вскочил на ноги. Быстро помылся холодной колодезной водой, засунул в рюкзак рыболовные снасти, пару пирожков на обед и направился к другу детства за велосипедом.

Мой друг, шибко уставший после бессонной ночи, проведённой в странствиях под руку с любимой девушкой в окрестностях родного хутора, был согласен на всё, только бы его оставили в покое. Но когда я, обременённый велосипедом, уходил из двора, его вдруг охватил пыл заядлого рыбака. Он высунул взлохмаченную голову в оконную форточку и скороговоркой прокричал несколько неоценимых для меня — рыбака по-случаю — советов, в том числе подсказку на каком пруду испытать счастья.

Прибыв, по совету товарища, на водораздел между Чиром и Ольховой, на небольшое степное озеро, густо заросшее камышом, чаканом и осокой, я не без труда отыскал укромное местечко. Срезал длинную камышину, привязал к ней рыболовную снасть, удобно уселся под развесистой кроной старой вербы и вознамерился значительно сократить рыбе поголовье в водоёме. Однако снасть я забросил, как ни старался, неаккуратно. Поплавок шумно плюхнулся в прогалину посреди водяной травы и вспугнул не только мальков карпа, резвившихся в тёплом верхнем слое воды, но и какую-то птицу, встревоженно хлопавшую крыльями в чакане, и надолго, казалось навсегда, замер в одном положении. Разочарованный продолжительным отсутствием клёва, я собирался поменять место, но тут на пригорке неожиданно возник всадник — в гимнастёрке, в брюках галифе и в хромовых сапогах, сверкавших зеркальным блеском в ярких лучах стремительно разогнавшегося к зениту искристого майского солнышка. Со стороны казалось, что этот далеко уже не молодой человек вот-вот

воспарит над землёй и унесётся за горизонт. Но нет, он стал быстро приближаться. Из-под его фуражки с алым околышем веером выбивался и воинственно колыхался на порывистом весеннем ветерке седой, гордый чуб. Когда он подъехал, внимательно, с нескрываемым интересом осмотрел меня с высоты, молча подкрутил кончики усов и тяжеломерно спустился на землю. Отвязал от седла эмалированное ведро, разнуздal вороного, отпустил его пастись в сочную приозёрную траву и засеменял, прихрамывая на правую ногу, в камыши. Отыскал удочку, которую, вероятно, всегда там хранил, на ходу размотал её и, присев рядом со мной, достал из потемневшей от времени деревянной коробочки червя. Неспеша, со знанием дела наживил его на крючок, бормоча что-то невнятное, так же неспеша подул на него, поплевал, и неуловимо-быстрым, играючи-ловким движением забросил.

Клёв у него начался тотчас. Серебристые, с ладошку размером караси будто по мановению волшебной силы стали охотно выскакивать из воды и, сверкая на солнце зеркальными боками, перекочёвывать в ведёрко к удачливому рыбаку. Ко мне тоже, чуточку позже, стали изредка попадаться на крючок, как бы за компанию с соседом, небольшие карасики. Но это было ничто, в сравнении с его успехами, и я не вытерпел. Почтительно, но всё же с некоторым раздражением спросил:

— Интересно, чем вы их заманиваете? Колдуете что ли?

— Э-э, брат!.. — хитро улыбнулся дедушка, не поворачивая головы. — Рыба у нас жуть какая мудрая. Клёв только у тех, кого знает давненько. Вот меня, к примеру, она знает с малолетства. Я, друг ты мой разлюбезный, якшался с самыми первыми в этом пруду карасями, если хошь знать. С пра-прадедами, так сказать. Война только и прерывала нашу дружбу.

Не получив удовлетворяющего ответа, я опять стал подумывать о смене места.

— По правде, причина тут другая, — немного помолчав, продолжил мой шутливый сосед, — черви твои хуже. В этом месте рыбаку только я. Вот рыбка и попривыкла к моим червячкам. Они у меня особенные, с запахом. Вернее земля особенная, из которой их копаю.

Так ли это, сказать трудно, но на полученную от весёлого дедушки порцию червей бесперебойный клёв начался и у меня. Желая продолжить разговор, я назвал своё имя.

— А меня зовут Маманя, — представился бывалый рыбак, и лицо его, минутой ранее расслабленное, стало весьма серьёзным.

— Маманя?.. — насторожился я, опять предчувствуя подвох.

— Да. А что тут удивительного? Мы с Солдатом уже более десяти лет обеда в поле возим, вот народ и прозвал меня Маманей. Я не сержусь. Доброе прозвище, дай Бог каждому. А родители, царство им небесное, Петром нарекли.

— Дедушка Петя... — обратился я к нему по имени, горя желанием уточнить про особенную землю с запахом.

— Я же сказал Маманя! — оборвал он меня, притворно нахмутив щетинисто-густые, будто тучные пшеничные колосья брови, азартно подсёк очередного карася, прикусив кончик языка и, удовлетворённый уловом, стал чинно собирать свои пожитки.

— Вы уезжаете? — разочаровался я. — Так рано?

— Ничего не поделаешь. Пора запрягать Солдата в бричку и везти обед трактористам.

— Странная кличка для лошади. Почему, вдруг, солдат?

— А разве не похож? Погляди какая выправка! — мотнул Маманя головой в сторону пасшегося на лужайке широкогрудого вороного жеребца, да так, что фуражка съехала на бок.

— Ну да, — поспешил я согласиться. — Выправка что надо.

Маманя поправил фуражку и категорически заключил:

— Истинный боец!

Солдат будто понимал, что речь идёт о нём и важничал, как молодой жеребчик: с силой бил о землю копытом, зазнайки фырчал, широко раздувая ноздри, хлёстко хлопал хвостом по бокам, отгоняя оводов и, в завершении, гордо задрал голову и эхо разнесло над озёрной гладью, по камышам и наклонившимся к воде вербам переливисто-протяжное, не уступающее молодому голосу:

— И-и-го-го-го-го-о-о!

— Каков, а?... Шельмец! — удовлетворённо крякнул Маманя. — Жаль только видит одним глазом, а то бы цены ему не было.

Я охотно согласился, что лошадь превосходная и заслужил одобрительный взгляд ветерана.

— Пойдём, подсобишь в седло взобраться, — приказал он мне и не по годам резво заковылял к коню.

Я без сожаления отбросил в сторону удочку, несмотря на начавшийся клёв и, догнав Маманю на лужке, поинтересовался:

— С ногой-то что? Наверно, в войну ранение получили?

— Верно, — подтвердил он, ласково поглаживая Солдата. — И где бы ты думал?

— В Берлине! — выпалил я, не долго думая.

— Не угадал! — огорчился Маманя. — Здесь вот! В этих самых местах! Гнали мы, значит, неприятеля из-под Сталинграда страшным

боем и двигались как раз в направлении нашего хутора, — начал он оживлённо жестикулировать руками. — Командир прознал про это, и тут же вызвал к себе. «Слышал, ты родом из этих мест?». «Так точно товарищ майор!» — радостно гаркнул я и вытянулся по стойке смирно. Майор аж вздрогнул от неожиданности. Но ничего, не рассердился. Даёт команду: «Срочно присоединяйся к разведчикам и во что бы то ни стало прощупай подступы к вражеским позициям! А повезёт, возьми языка!» На разведку вышли ночью. Ползком благополучно миновали все вражеские посты и под утро оказались в хуторе, прямо у дома моей тётки Аграфены. Она как раз в тот час на баз выскочила — по нужде. Только задрала подол, а тут мы. Она, бедняжка, так испугалась, что слово вымолвить не могла. Успокоилась только тогда, когда я ей от сына поклон передал. Мы с Иваном в одном полку, как раз, воевали. Обрадовалась тётка, до слёз, что сын, значит, живой и невредимый, и стала нам рассказывать в чьих хатах офицеры заночевали. «А за танки и пушки, — говорит, — спросите у Николки. Он этим делом дюже интересуется». Николка, Иванов сынишка, взаправду оказался дотошным — прямо разведчик. Всё до тонкостей выложил. Сколько в хуторе танков и пушек, где стоят, как расположены. И про бензовозы упомянул, замаскированные соломой на общественном базу. Поблагодарили мы тётку с Николкой и направились задними дворами, пригибаясь ниже плетней, к ближайшей хате. Аккуратненько сняли часового, за ноги выдернули из тёплой постельки сладенько похрапывающего офицера, засунули ему в рот тряпку, чтобы сдуру не заорал благим матом и отправили с двумя разведчиками к своим. А остальные пробрались на хуторской баз и забросали бензовозы гранатами, хоть такой команды от майора и не было. Сам понимаешь, страсть как важно оставить перед боем танки врага без дополнительного горючего...

— Да, это очень важно для общей победы, — согласился я.

— Поэтому мы и пожертвовали собой, — понизил голос Маманя и снял с головы фуражку. — Все полегли, кроме меня... — тяжело вздохнул он, перекрестился и ловко водрузил головной убор на место. — Да и мне фашисты поранили бок и правую ногу. Слава Богу наши вскорости в атаку пошли и с ходу взяли хутор, а так бы истёк кровью и окоченел в сугробе. Потом, в Луганске, мне ещё раз прострелили эту ногу. С тех вот пор и чикиляю!¹ — звонко хлопнул он ладонью по правой ноге.

— А как же вы справляетесь в одиночку? — удивился я и сложил руки вместе, ладонями вверх.

¹ Чикилять — хромать, ковылять.

Маманя молча ухватился могучей рукой за луку седла, всунул левую ногу в стремя, а правую поставил на мои ладони. Я с силой подтолкнул его и он легко, словно молодой казачок, вскочил на коня. Тут же ласково похлопал его по шее и только тогда ответил:

— Дома сажусь с крыльца, а на рыбалке добрые люди помогают.

— А если рядом никого нет? — не переставал я удивляться.

— Тогда завожу Солдата во-о-н в ту канаву... — махнул Маманя рукой в степь. — И сажусь как с крылечка. Ладно, заговорился я с тобой совсем, — спохватился он, вдруг. — Не ровён час, в поле с обедом опоздаю. Пошёл, родимый! Пошёл! — приказал он коню и они стали быстро удаляться.

2

Четыре дня рыбачили мы с Маманей на его особенных червей и каждый раз я возвращался домой с отменным уловом. На пятый был Великий праздник — День Победы. Я, как и во все предыдущие дни, проснулся с восходом солнца и сразу поспешил на озеро.

— С Днём Победы! — закричал я радостно, увидев Маманю и торжественно запел: — День Победы, как он был от нас далёк!..

— С днём Победы, дружок! С днём Победы! — задорно ответил ветеран. — Я думал, ты нынче не приедешь.

— Отчего же?

— Праздник. Гулять все будут. В том числе и молодёжь.

— Ничего, погулять я всегда успею. А вот порыбачить с ветераном когда ещё доведётся.

— Это верно. Дед-то, небось, тоже воевал?

— Воевал.

— И как он насчёт рыбалки?

— Не знаю. Погиб под Сталинградом.

— Извини, внучок, — сконфузился Маманя и прослезился. — Наших там полегло, не счесть. Своими глазами видал.

— А клёв нынче как, хороший? — мгновенно перевёл я разговор на рыбалку, видя, что старик серьёзно расстроился, вспомнив былое.

— Клёв?! — радостно встрепенулся Маманя. — Гляди! Гляди, какие красавчики! — стал он руками вычерпывать из ведра карасей. — Страсть какие жирные! Сроду такие не попадались!..

Карасики, за редким исключением, были самые обыкновенные, но я, желая угодить ветерану, признал, что никогда не видел таких серебристых и толстенных.

— А я что говорю! На жаркое в самый раз! Для ушицы, правда, лучше щучка или чикомасик¹. Да где их поймать?.. Речку совсем захламили. Поди уж там никакая живность и не водится, окромя комаров, да лягушек. Вот вам и прогресс! — неожиданно взвинтился Маманя, укоризненно глядя на меня. — Разве так должны поступать грамотные люди? Не-е-т!.. Не так!

Не сладко пришлось бы мне, как представителю нового, «более цивилизованного» поколения, за все экологические беды, нещадно ворвавшиеся по нашей вине в матушку-природу, да тут, невдалече, раздался глуховатый, сдавленный хлопок, а за ним, почти одновременно, ещё два.

— Опять рыбу глушат! Ну я им!.. — проворно подскочил Маманя и коленом опрокинул ведро.

Караси радостно запрыгали, сверкая зеркальными боками на ласковом праздничном солнышке и медленно заскользили по пологому глинистому берегу, слегка влажному после скоротечного утреннего дождичка, в озеро.

— Так и быть, нехай живут! — добродушно махнул рукой Маманя и быстро засеменял, несмотря на хромоту, в направлении взрывов.

Я отбросил в сторону удочку и побежал следом.

С трудом продрались мы сквозь густые заросли чакана и оказались на влажном травянистом берегу неширокого залива. Прямо перед нами стояли на охалке сухого прошлогоднего камыша два полных мешка — один был накрепко завязан сталистой проволокой, а из второго торчал большущий рыбий хвост. Чуть поодаль трое молодых парней подгоняли к берегу длинными шестами плавающих вверх животами крупных сазанов — на остальную рыбу, помельче, они не обращали никакого внимания, будто её не существовало.

— Болваны, столько мальков испортили! — воскликнул Маманя и сграбастал незавязанный мешок. — Подсоби! — приказал мне. — Эту сёмью словили, может живая есть!

Мы отнесли мешок к берегу, чуть не по колено проваливаясь в грязь и опрокинули в озеро. Оказавшиеся в воде сазаны постепенно разделилась на три части: одни — наиболее сильные, попавшиеся в сети последними — ушли на глубину; другие сонно и кособоко юлили у берега, приходя в себя; а третьи уже спали глубоким, непробудным сном.

Уснувших сазанов мы выловили из воды, побросали обратно в мешок и возвратили на сухой островок. Маманя сосредоточенно порылся в карманах широченных галифе, достал длинный шелковистый шнурок и решительно завязал мешок.

¹ Чикомасик — окунёк, уменьшительное от чекомас (чикомас) — окунь.

— Отвезём в столовую. Всё польза будет, — сказал он, поймав мой вопросительный взгляд.

— Не трогайте рыбу! Не трогайте! — наперебой закричали браконьеры и кинулись в нашу сторону.

Я сделал шаг вперёд, решив взять на себя парня покрепче, бежавшего впереди всех. Но Маманя в последнюю секунду опередил, схватил толстяка, вцепившегося в меня, могучей казацкой рукой за шиворот и так хряпнул об землю, что тот на пузе съехал по мокрой траве в воду. Двое других, пощуплее, тотчас развернулись в обратном направлении, не добежав до поля боя всего-то пару метров. Следом за ними дал дёру и мокрый, облипший грязью толстяк.

Маманя поднял с земли складной старенький нож, выпавший из его кармана во время потасовки, заботливо вытер носовым платком — видно было, что он ему дорог, и протянул мне:

— С гражданской войны берегу.

— Вы и в гражданскую воевали?! — воскликнул я, с некоторым недоверием.

— погоди, щас расскажу, — остановил мой пыл Маманя движением руки ладонью вперед и удобно устроился на сухом, камышовом островке. — Был я тогда ещё пацаном, — живо, с нескрываемым удовольствием продолжил он. — Папаня мой в то беспокойное время воевал за белых, как и многие другие казаки. А нас — меня, да троих сестрёнок — маманя соблюдала¹. И тут на хутор нагрянула какая-то банда, тогда их было не счесть — и давай грабить всех без разбору. У нас тоже и худобу² забрали, и из закрома всё выгребли. Кобылка только жерёбая осталась. Она у нас завсегда, от греха подальше, в густой леваде паслась. Привела её маманя домой после налёта, заплакала над ней с горя, будто чувствовала, что видит в последний раз, да и занудала. «Скачи, сынушка, в хутор Артамошкин, — сказала она мне, утирая слёзы. — По слухам, военные должны там стоять. И кто бы они ни были — белые, али красные, всё одно не позволят над народом издеваться. Скажи, банда в Курганском лесу укрылась».

Я, заинтригованный рассказом, застыл на месте, как столб.

Маманя, переведа дух, так и сказал:

— Чего стоишь, как вкопанный? Присаживайся. История длинная... — и уступил мне самую лучшую часть камышового холмика.

Я осторожно примостился рядышком и затих, в ожидании. А он грузновато поёрзал на камышах, усердно посопел, покашлял для солидности в кулак и всё также темпераментно продолжил:

¹ Соблюдала — воспитывала, растила. Также имеет значение — берегла, ухаживала.

² Худоба — домашний скот.

— Под самым Артамошкиным за мной увязались два вооружённых всадника и подстрелили мою кобылку. Как бабахнулся я о землю на всём скаку, аж искры из глаз посыпались. Нос вдрызг, кровь во все стороны хлещет. А я ничего, вскочил и дал дёру в сторону Артамошкина. На моё счастье на пригорок как раз выскочил армейский дозор. Ка-а-ак саданули они залпом из винтовок поверх моей головы, аж в ушах зазвенело!.. Оглянулся я, а бандитов уже нет в сёдлах, только лошади по степи скачут. Это был дозор красных. Отвезли они меня в Артамошкин, обмыли, напоили, и повели к командиру. «Ну и куды ты, пострелёнок, скачешь? Пошто дома не сидится?» — грозно спрашивает он меня, а сам улыбается и подмигивает. Осмелел я от его улыбки и, как положено, по-военному, доложил о проделках бандитов. «Седлать лошадей!» — гаркнул командир и, сграбастав меня под мышку, спрашивает: «Дорогу покажешь?» А мне же только того и надо. Замычал я от радости, замотал головой в знак согласия... И он прямо со мной под мышкой вскочил на коня. Банду мы застали врасплох и вмиг истребили. Интересная получилась история. Мы с матерью красными оказались, а отец — белым. Потом он, правда, перешёл к Будённому в конную армию и сражался не щадя живота. И не поверишь, ни одной царапины не получил! С советским орденом домой вернулся. А с империалистической¹ с крестом². За что потом и отсидел в лагерях десять лет. Такие вот, брат, дела. Могучий был казак! До последнего дня верхом ездил!..

— Да, действительно, могучий был человек, — согласился я, лстя собеседнику.

— И я так, Бог даст, жизнь закончу, в седле, — негромко и не так уверенно, как прежде, сказал Маманя, посидел немного в задумчивости, и уже решительнее добавил:

— А как казаку иначе? Иначе нельзя!

Я в очередной раз повертел в руках старинный ножичек и, не обнаружив ничего сверхестественного, вопросительно посмотрел на Маманю.

— Командир наградил меня после боя. Он из московских рабочих был, собственноручно смастерил, — пояснил Маманя и торжественно поднял вверх указательный палец. — Почти семьдесят лет берегу!

— Ого! Вот это да! — искренне восхитился я и взглянул на часы.

— Беда-то какая!.. — огорчился Маманя, бережно принимая от меня свой ножичек. — Во век такого не было, чтобы ветераны в день Победы без рыбки остались!

¹ Империалистическая — то же, что Первая мировая война.

² Крест — здесь имеется ввиду Георгиевский крест, вручаемый до 1917 года.

- Так вот же, — толкнул я ногой мешок. — На целый взвод хватит.
— Нет, эта не честно добыта! Поперёк горла станет!
— Тогда надо добывать честно.
— Времечка, дорогой ты мой, нету! Полдень скоро!
— Но хоть часик-то уделить можете?
— Часик могу. Не больше.
— Отлично! Вдвоём успеем!

Маманя охотно согласился и через час он уже спешил домой, пусть и с малым, но честным уловом для своих друзей-ветеранов.

3

На следующий день Маманя не приехал. Не приехал через два дня. Не приехал и через три... Рыбалка мне стала не в радость. Заскучал я, спрятал в зарослях рыболовные принадлежности и направился в хутор. По пути я встретил двух пожилых, привлекательных казачек, выраженных в яркие, цветастые платья, с выточками и оборками, как в старину, вежливо поздоровался с ними и, с наскока, попытался выяснить где живёт дедушка Петя.

Казачки в недоумении пожали плечами.

— Маманей он себя называет, — подсказал я.

— Так бы сразу и гутарил¹! Чего темнишь-то? — укоризненно пробурчала одна из хуторянок, поглядывая исподлобья.

— Да кто ж яво у нас ня знать!.. В станичной больнице он типерь, — тотчас оживилась вторая, более добродушная казачка.

— А что с ним?! — всполошился я. — Неужели так серьезно заболел?

— А ты, собственно, хто такой? С какой стати выпытываешь? — подбоченилась обеими руками строгая хуторянка.

— Да будет тебе, Макаревна. Чё парня за зря ругаешь? — вступилась за меня добродушная хуторянка. — Можить он из родни?..

— Ну, если из родни, то беги скорее к магазину. Автобус вот-вот в райцентр пойдёт, — неожиданно смягчилась строгая хуторянка. А когда я сел на велосипед и поехал, крикнула вдогонку:

— Лисапет брось у мене в дворе, второй дом от лавки²! Там яво сроду ништо ня тронить!..

¹ Гутарить — говорить.

² Лавка — небольшой магазин, название произошло от лавки, на которой торговцы (лавочки) раскладывали свой товар (бакалейная лавка, скобяная, книжная и т.д.).

Маманю, в больничной одежде, с пластырем на лице, с забинтованными кистями рук и с гипсом на всё той же правой ноге, я опознал только благодаря его подсказке. Он постучал костылём по полу, заметив, что я в растерянности застыл в дверях палаты.

— Не обращай внимания! — бодро сказал он, когда я присел рядом на табуретку. — Беды на копейку, а бинтов намотали на целый рубль. Не будь этой штуковины, — мотнул он загипсованной ногой, — давно бы убежал отсюда.

— Скажите, наконец, — проронил я, всё ещё в растерянности, — что случилось?

— Ерунда. Трещина небольшая. Потом как-нибудь расскажу.

— Нет-нет! — запротестовал я. — Расскажите сейчас!

— С коня свалился, — уклончиво буркнул Маманя и, считая вопрос закрытым, стал угощать меня лимонадом и пряниками.

Я с удовольствием выпил стакан лимонада и заявил:

— Не верю. Казак, просто так, никогда не вывалится из седла.

— Верно говоришь! — крикнул от удовольствия Маманя. — Никогда!

— Так что тогда случилось?

— Камнем сшибли.

— Камнем?.. Браконьеры?!

— Они самые. Из терновых кустов запустили, когда я возвращался с вечерней рыбалки.

— Судить прохвостов надо! — загорячился я.

— За что?

— За бандитское нападение!

— Ух ты-и!.. А кто про это знает?

— Я знаю! Вы!..

— Не кипятись, — добродушно улыбнулся Маманя. — Думаешь, после тюрьмы они лучше будут? Нет, брат ты мой, я на своём веку всякого повидал. Скажу тебе совершенно точно — оттуда ещё никто не возвращался лучше, чем был. Тем паче, молодые. Уголовной науки нахватаются, только и всего. Лучше я сам займусь их воспитанием. На них-то придётся оставлять родную землю.

«Вот она, Русская Душа! На всё готова ради родной земли!» — с гордостью подумал я, прощаясь с Маманей.

Те майские встречи не прошли для меня даром. Я получил заряд оптимизма и патриотизма на всю оставшуюся жизнь.

ДЕВЯТЫЙ УГОЛ

Предисловие

Город Шахты Ростовской области я полюбил ещё в детстве. Здесь жила родная сестра моей бабушки Анна Константиновна Некрасова, уроженка хутора Ольховый, казачка, как принято говорить, «до мозга костей». На летних каникулах я частенько приезжал к ней в гости. И она, страстная любительница кино, каждый день водила меня по кинотеатрам, а вечерами, в дни её дежурства, я ходил с ней сторожить здание какого-то госучреждения, название которого уже не припомню. И там она, свидетельница жутких российских потрясений первой половины двадцатого века, рассказывала мне, единственному своему слушателю, о наиболее прочно запавших ей в память событиях, происходивших в тревожные годы её молодости на Верхнем Дону. В голосе её всегда были слышны нотки сожаления по прежнему образу жизни. И это неудивительно. Для пожилого человека годы его юности, полные энергии, любви и стремления к совершенствованию, какими бы они ни были драматичными, всегда останутся в памяти более привлекательными, чем накопившие усталость тела и духа дни настоящие, требующие ежедневной, иногда нелегкой борьбы за хлеб насущный. И уж тем более предпочтительнее лет будущих, сулящих немощи, болезни и, как финал, неизбежный для всех нас исход в небытие.

Именно баба Ньюра, окончившая один-единственный класс церковно-приходской школы, с трудом, по слогам, но всё-таки самостоятельно прочитавшая «Тихий Дон» и «Поднятую целину», первой, сама того не ведая, пробудила своими воспоминаниями в моём сознании желание когда-нибудь узнать, как же всё на самом деле было?.. И когда я, много лет спустя, созрел для этого и стал писать о тех суровых временах, не становясь на чью-либо сторону, не обличая никого и не возвеличивая, мне на помощь пришёл опять-таки шахтинец, уроженец всё того же хутора Ольховый, в юные годы неволью принявший участие в гражданской войне — Пётр Константинович Некрасов. Именно он стал прототипом рассказа «Маманя» и одним из главных героев фольклорно-исторического романа «Четыре бездны — казачья сага».

Летом 1999 года, после долгих лет разлуки, я снова захотел побывать в любимом городе своего детства, в котором, по моему тогдашнему убеждению, было самое вкусное мороженое, самый пёстрый и гулкий базар, самый лучший кинотеатр, самые красивые трамваи и самые экзотические, вздымающиеся к небу прямо из центра города горы угольной породы, называемые горожанами загадочным тогда для меня словом — террикон.

По воле случая в те несносно жаркие августовские дни мне довелось познакомиться с интереснейшей рассказчицей, неутомимой говоруньей Клавдией Гуровой. Эта невысокая, кругленькая, подвижная, как ртуть пожилая женщина, с непомерно темпераментным, но великодушным нравом тоже оказалась уроженкой хутора Ольховый. Когда за обедом родственники представили меня ей, она с живостью спросила:

— Это тот самый, что «Маманю» написал?

— Вы читали мой рассказ? — удивился я.

— А как же, читала. И главы из романа читала, что в той же газетке напечатаны были. По-нашенски написал, по-простому, — похвалила она меня. — Да и не сбрежал нигде. У меня ведь в родне, с материнской стороны, похожая оказия была: один дядя за белых воевал, а другой — за красных.

Не желая упускать случай, я тут же попросил свою собеседницу рассказать мне эту интригующую историю.

— Ладно, расскажу, как пообедаем, — охотно согласилась Клавдия Гурова.

После трапезы, показавшейся мне нескончаемо длинной, я подсел поближе к бабе Клаве и стал обдумывать, как бы поделикатнее возобновить наш разговор.

— Не суетись, милоч, — опередила она меня. — Не позабыла я про своё обещание. Только, боюсь, не всем мои побасёнки будут интересны. А докучать людям, я не люблю. Пойдём ко мне, я через дорогу живу. Там, в тишине и прохладе, я и расскажу, что знаю. Выдумывать не стану.

Я с готовностью подскочил с места и первым направился к двери.

— Погоди, а тетрадку взял? — охладила мой пыл баба Клава. — Записывать-то куда станешь? На ладонь, что ли?

Я хотел было сослаться на хорошую память, но мельком поймал её непреклонный взгляд и поспешил достать из дипломата записную книжку и авторучку.

Живёт баба Клава на улице Красинской, с севера на юг уходящей в сторону Ростова-на-Дону. С восточной стороны улица застроена многоэтажками, а с западной — частными кирпичными домиками, крытыми шифером. Всякий такой домик окружает ограждённый штакетником небольшой земельный участок, как правило, засаженный фруктовыми деревьями — чаще всего грушами и дикими абрикосами, которые в народе называют жердёлами. Груша здесь почти культовое дерево — растёт повсюду и даёт отменные урожаи.

В этих местах ещё на заре казачьей вольницы, в среднем течении узкой, но быстрой и кристально тогда чистой речушки Грушевки, усеянной по берегам и отходящим от неё в степь балкам обильно плодоносящими грушевыми деревьями, образовалось казачье поселение, разросшееся со временем до размеров станицы. А в 1867 году, с началом открытия в этом регионе угольных залежей, станица Грушевская преобразовалась в город Александровск-Грушевский, названный так в честь тогдашнего российского императора Александра II, но и не потерявший во втором слове своего исконного имени. Это уже после Октябрьской революции, при моде до основания рушить старый мир, он получил третье, обобщённое и, пожалуй, не самое удачное с точки зрения топонимии имя — Шахты.

Домик бабы Клавы с зелёными, сработанными на деревенский манер узорчатыми ставнями, в дневное время наглухо закрытыми, мало чем отличался от соседних приземистых построек, прикрывшихся от жгучего степного солнца густо разросшейся виноградной лозой. Преимущество таких, будто бы выросших в землю изб перед многоэтажными коробками я почувствовал сразу: уличная духота сюда почти не проникала.

Усадив меня на крохотный, вероятно, являвшийся мне ровесником диванчик, баба Клава тоже присела рядом и без всяких предисловий, — лишь выпростав из-под белой, ситцевой кофточки, сшитой на старинный манер — с рюшечками и выточками, шёлковую золотистую нить с крестиком, видимо, для того, чтобы я полностью положился на искренность её слов, — начала повествование.

— Так вот, было это в гражданскую, кажись, в девятнадцатом году. Дядя мой, Фёдор, воевавший дотопе за красных, вдруг, ни с того ни с сего, к белым подался. И надо же было такому случиться, в первом же бою столкнулся лицом к лицу с братом своим старшим — с Павлом, оставшимя у красных. Как начали они шашками звенеть, аж искры полетели! Видит

Павел, что дело не шуточное, запросто может братоубийством закончиться. Заложил он шашку в ножны и стал просить Фёдора, чтобы он, пока грехов не натворил, к красным возвращался. А тот ни в какую: «Лучше ты переходи к нам! — орёт. — Не то насмерть зарублю!» И тут Павел, слава Богу, вспомнил, что новые властя арестовали, из-за политической измены Фёдора, жену его, Ксению. Обмяк сразу Фёдор и ради спасения жены, любил он её дюже, согласился-таки вернуться обратно к красным. И так лихо воевал за них, что орден даже получил. А как с войны пришёл, сразу стал хлопотать за Ксению, её-то, к тому времени, в Сибирь уже отправили. А в Сибири она, решив, что Фёдор бросил её, согласилась, от нужды, сожительствовать с каким-то офицериком. Дитя даже родила от него. А тут, амнистия подоспела. Не знает бабёнка, что и делать... «Подкинь ты его кому-нибудь, да и делу конец», — стали советовать подруги по несчастью. Думала она думала, слёзы все повыплакала, а решилась-таки оставить родное дитя чужим людям. Слишком уже домой захотела, к мужу законному. Завернула она сыночка своего полуторамесячного потеплее в разное тряпье и отнесла в посёлок — в самый справный двор. А когда назад возвращалась, кошку повстречала — она, бедняжка, чуть ноги волоча от голода, принесла из лесу к человеческому жилью котёночка. Дверь царапает и страсть как жалостно мяучит — просит, стало быть, чтобы дитёночка её обогрели. И тут у Ксении будто оборвалось всё внутри, залилась она слезами и помчалась, что есть духу, назад. Слава Богу ещё недалеко отошла и хозяйева не успели забрать с порога сыночка её. «Будь что будет! — решила она. — А дитя не оставляю! С ним поеду!»

* * *

Встречать её приехали на паре лошадей свёкор с мужем. Целый день крутились они на платформе, даже на станцию ни разу не зашли обогреться. Поезд боялись пропустить. А он, как назло, опоздал. Аж под самый вечер прибыл в Миллерово. Вышла Ксения из вагона, увидела мужа со свёком и остолбенела от страха. А они её, с ребёночком на руках, не заметили даже. Раз, да другой, проскочили мимо. Только после того, как все пассажиры с платформы разошлись, опознали. Свёкор, ни слова не говоря, взял у неё с рук дитя и прижал к себе. А муж, на радостях, её подхватил на руки и понёс в сани. Всю дорогу обнимал он её и целовал, а про ребёнка ни разу даже не спросил. Свёкор тоже ни единым словом не обмолвился — откуда, мол?.. и чей? Знай себе, баюкает его, да лошадей кнутом постёгивает. А когда на рассвете домой приехали, он первым вошёл в хату и сказал: «Того,

кто на Ксению плохое слово скажет, или насчёт дитя станет интересоваться, прогону со двора!» С тех пор никто её в семье ничем не попрекал. Со временем у Фёдора с Ксенией ещё трое детей народилось, но первенец, сибирячок-Илюшечка — остался любимчиком в семье. Сердешный был дюже, никому, бывало, ни в чём не откажет, каждого уважит. А уж отца-то любил... страсть как! В тридцать седьмом от смерти даже спас его. Фёдор ремонтировал колхозный амбар и в щелях, да под половицами насобирав полчувала¹ подпорченного зерна и отнёс домой. А тут, как на грех, председатель сельсовета приехал по доносу, вместе с милицией, проверять соседский двор и заодно заглянул к Фёдору. Что полагалось за саботаж человеку, метавшемуся от белых к красным, сам понимаешь. Но Илюша, он работал у отца в строительной бригаде помощником, на себя всё взял. Сказал, что отец велел отнести зерно в колхозную клуню, а он посамовольничал, тайно высыпал в свой загром. Фёдору за такое дело, конечно, каюк был бы, а Илюшку всего-то на пять лет в Сибирь сослали.

— Везучий этот Фёдор, — заметил я, не без иронии. — До ста лет дожил, наверно?

— Ничего подобного, офицер в войну застрелил из нагана².

— За что?

— За то, что семью опроведал без разрешения. Он воевал как раз в той самой части, какая в сорок втором году гнала из-под Сталинграда румын прямо на Ольховый. И как ему было не заглянуть домой и не проведать жену с детишками?.. Только надо было бы с разрешения, а он, чудак, побоялся, что не получит такового — дюже уж сумасбродный был у него командир.

На свой страх и риск забежал он самовольно домой, а его сослуживцы пошли дальше. Опроведал он семью и тотчас кинулся следом за своими. Всего лишь через три километра, под хутором Вяжа, догнал их. Однако, осерчавший командир, несмотря ни на какие объяснения, обвинил его в дезертирстве и, острастки ради, застрелил на глазах у других солдат. Ксении тоже досталось. Её, как жену врага народа, опять отправили в Сибирь. Но хоть там ей повезло, попала в то же самое место, где и сын её был. Илюшка, к тому времени, своё почти отбыл, но мать одну оставлять не захотел, вместе домой вернулись. Это уже после войны. Такая вот, брат ты мой, печальная история.

— Действительно, печальная, — согласился я. — Но вы рассказали её красноречиво, как истинная казачка.

¹ Полчувала — полмешка. Чувал — большой мешок.

² Наган — так в народе называли, обобщая, пистолеты и револьверы любых систем и модификаций. Изначально название произошло от револьвера системы наган, образца 1895 года, разработанного и выпускаемого промышленниками братьями Эмилом и Леоном Наган.

— Истинная я только по духу, — возразила моя собеседница. — А по крови только наполовину.

— Разве?.. — засомневался я.

— Погоди, сейчас и про это расскажу, — успокоила меня баба Клава и, скрестив руки на груди, призадумалась.

3

— Да, я не чистокровная казачка, — встрепелась она мгновение спустя. — Мать была из потомственных казаков — это верно, а отец из семьи иногородних¹. Дедушка мой, Андрей Андреевич Гуров, был крепостным плотником у какого-то богатого помещика в Воронежской губернии. А бабушка Тамара, кстати, тоже Андреевна, была дочерью гувернантки того самого помещика. И надо сказать, красавицей слыла в девичестве превеликой. Барин любил звать её к себе по вечерам почитать книгу или спеть песню. Он тоже, хоть и не молодой уже был, а ничего из себя — статный и весёлый. Всегда старался бабушку удивить чем-нибудь. И так про меж них зародилась любовь, о которой вскорости стали поговаривать все дворовые, даже до самой барыни дошли слухи. И помещик тот, чтобы не усугублять дело, отправил бабушку учиться в Петербург — там им легче было тайно встречаться. А когда бабушка закончила учёбу и возвратилась обратно в поместье, барин определил её, вместо умершей к тому времени прабабушки, гувернанткой к своим троим детям. И всё у них было бы хорошо, да бабушка забеременела. А барин, желая скрыть позор, насильно выдал её замуж за своего самого лучшего работника. Дал им обоим, скрепя сердце, вольную, снабдил лошадью, повозкой, деньгами и велел немедленно убраться в казачьи края. Целый месяц колесили дедушка с бабушкой по степи, пока нашли людей — казаков Кубановых, согласившихся приютить их на своей земле, в самых верховьях речки Ольховой. Определившись, дедушка отстроил на деньги, доставшиеся бабушке от барина в приданое, мельницу и хатёнку-полуземлянку, потому как казаки запрещали строить большие дома иногородним. Так вот и поселились они в хуторе Ольховом и нарожали на казачьей земле десять детей, не считая старшей дочери от помещика, хоть и не любили друг дружку. Дедушка всю жизнь жалел, что не послушался барина. Крепостное

¹ Иногородние — так казаки называли всех пришедших на их землю (в том числе русских и украинцев), причисляя их к инородцам, к иному, не казачьему роду. Большинство иногородних были временными работниками, торговцами и т. д.

право-то отменили, всего через год, после того как они с бабушкой уехали. Он даже порывался бросить всё и вернуться к своей любимой невесте, оставшейся в поместье. Но как узнал, что её замуж выдали, остепенился, построил вторую мельницу и стал копить, как скаженный, деньги. Ассигнации аккуратно связывал ленточками в пачки и совал в кожаный мешок, а золото складывал в чугунок и ночью закапывал в землю. Всё надеялся построить собственную усадьбу, да ничего не вышло — вначале казаки мешали, потом революция. И когда его в коллективизацию, при раскулачивании, схватило на девяносто пятом году жизни сердце, только и успел сказать: «Бабка, золото в земле, на девятом углу!..» Бабушка тоже долго прожила — сто пять годков, но золота так и не нашла. Про какой-то такой девятый угол он завёл речь, никто из нас так и не сообразил. Деньги, правда, нашлись в сорок шестом году, когда мы съезжали со старого двора и за ненадобностью снесли коровник. В нём-то, под камышовой крышей и был мешок со старыми ассигнациями. Однако проку нам от них было мало. Печь, за неимением бумаги, долгое время растапливали, да и только. А что золото не сыскали — это к лучшему. Оно дедушке счастья не принесло, и нам от него одни неудобства от властей были бы, — философски закончила свой рассказ баба Клава и тут же, как ни в чём не бывало, проворно соскочила с диванчика и потащила меня за руку в сад.

В саду она снабдила меня грушами, жердёлами, виноградом и, провожая за калитку, кротко, к моему удивлению, промолвила:

— А я ведь могу вспомнить, к следующему лету, ещё что-нибудь интересное про наши края. Ты уж навевдайся.

— Приеду, — пообещал я. — Обязательно приеду.

— А будешь у Мамани на могилке, то бишь у Петра Некрасова, то привет передай. Я тоже благодарна, что он не выдал нас уполномоченному, когда мы в коллективизацию семечки воровали.

— Вы тоже там были? — всё больше и больше удивлялся я. — Прямо на поле?

— Была. И на току была, и окопы рыла, и на коровах землю пахала, и сама впрягалась в плуг вместо коня. Как все бабы в то время, так и я. Всё правильно ты прописал в своём романе.

— Спасибо, баба Клава! Спасибо! Ваши рассказы точно помогут мне написать казачью сагу! — расчувствовался я, неострожно крепко прижав к себе кульки с фруктами, и ещё раз пообещал бабе Клаве навещать её, когда судьба занесёт меня в пределы родной Донщины, в глубине души надеясь, что она унаследовала от Гуровых гены долголетия.